

РАДОСТЬ УДИВЛЕНИЯ

Сегодня можно часто слышать: человечество ждет новых смыслов. От кого? Конечно же, в ситуации века XXI – от политиков, ученых, деятелей культуры...

Но не будем забывать о том, что старые вечные смыслы не исчезают бесследно, а работают «на вырост» – в будущее.

Еще в XVIII веке великий немецкий поэт Гельдерлин говорил: «Поэзия есть словесное учреждение бытия». Именно в ней, в поэтическом слове, следует искать и находить самые существенные, основополагающие смыслы, необходимые, как воздух, и отдельному человеку, и человечеству в целом, смыслы художественные, нравственные, исторические...

Говоря языком современного писателя (Александра Мелихова), подлинная задача литературы – дать экзистенциальную защиту читателю от одиночества, тоски, неуверенности в себе, унижений и обид, страха смерти, скепсиса бытия...

Как ни один жанр литературы, подлинная поэзия может это сделать, и делает не только вчера, но и сегодня. В этом убеждают стихи Владимира Крюкова из Томска – глубокие, искренние, самобытные. Он из той породы «русских второстепенных поэтов», в которой Некрасов, как мы знаем из истории отечественной литературы, разглядел далеко не «второстепенного» Тютчева, предсказав в нем поэта первой величины в будущем. А нам преподав урок (хорошо ли его мы усвоили сегодня?): подлинная поэзия не делится на провинциальную и столичную, традиционную (значит – устаревшую) и новаторскую (значит – новомодную).

Русская классическая традиция с ее регулярным стихом, точными рифмой и строфикой, богатством содержательных смыслов свидетельствует и сегодня о том, что далеко не исчерпала своих возможностей: она продолжает развиваться, трансформироваться, обновляться. Выполняя свою главную трудную работу – говорить читателю на своем языке: «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

Такая поэзия продолжает нас удивлять: она живет, дышит, учит. И стихи Владимира Крюкова, старые и новые, автора замечательных книг «Белый свет» и «Присутствие», даруют нам эту радость удивления, открывая с новой стороны мир природы, мир чувства и мысли, память – о живых и ушедших, бесконечные закрома культуры (человеческое, слишком человеческое). Оберегая и защищая читателя от искусной фальши мнимых величин, ложных иллюзий, натиска «рекламных шагов» и завитков вокруг пустоты...

И это становится возможным потому, что происходит в подлинно художественном языке. Философ называет это «доверительной беседой мышления с поэзией», и эта беседа «происходит для того, чтобы выявить существо языка с тем, чтобы смертные вновь научились проживать в языке» (Мартин Хайдеггер).

Не этому ли «проживанию» – от стиха к стиху, от книги к книге терпеливо и мудро учит нас современный сибирский поэт – по призванию и способу существования?

Инна Ростовцева